

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

ПРАВО
ВЫЖИВШЕГО

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Ранее книга выходила под названием
«Вороненый арбитр»

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Право выжившего / Сергей Зверев. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 288 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-94328-9

Бывший десантник Косарев чудом выжил под огнем душ-
манских пулеметов в Афгане, ходил под пулями чеченских
боевиков. Но оказалось, что в мирной жизни для него война не
закончилась. Областной городок Апрелевск поделен на зоны
влияния между бандитскими группировками, они перепрода-
ют наркоту, а на вырученные деньги покупают оружие. И опер
уголовного розыска Косарев должен практически в одиночку
остановить этот беспредел. Конечно, у него железные нервы,
он люто ненавидит криминал, но и бандитов слишком много.
Ему остается только одно — столкнуть лбами две группировки,
чтобы они уничтожили друг друга...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94328-9

© Рясной И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

БОЙ В ГОРАХ

Солнце закатывалось за неудобные, необжитые каменистые горы. Высоко в бледном небе парили черные птицы. А внизу кипел бой. В ущелье погибала зажатая и обложенная со всех сторон разведывательная группа.

Группу вел агент Пятого управления ХАД (Министерства безопасности Демократической Республики Афганистан). Он уверял, что путь чист. По всем данным, банда Усман-шаха, хозяина этих мест, ушла далеко на юг и наводила страх на сторонников режима Наджибуллы. Но оказалось все не так.

Головорезы Усман-шаха из автоматов и крупнокалиберного, двенадцать и семь миллиметров, зенитного американского пулемета били по колонне, доставая одного «шурави» за другим и верша суд Аллаха.

Распластавшийся за камнями командир разведроты капитан Косарев не знал, намеренно проводник завел их в засаду или просто душманы просчитали маршрут развед-

группы. С проводника взять уже нечего — его труп скрючился в догорающей боевой разведывательно-дозорной машине, перекрывшей узкую горную дорогу.

— Селигер, я Ока, — повторял Косарев в микрофон рации. — Нас зажали в ущелье. У меня четверо «ноль двадцать первых» и пять «ноль тридцать первых».

В переводе с армейского это означало, что в ходе боя уже погибло четверо и ранено пятеро бойцов.

— Шлите вертушки, — требовал Косарев.

— Ока, помощь придет. Ждите, — слышалось из наушника в ответ.

— Не успеют, — лейтенант Родионов отщелкнул сдвоенный магазин «АКМ», отбросил его в сторону, подсоединил новый и дал короткую очередь в сторону рассредоточившихся на вершинах «духов». — Положат нас здесь. Всех.

— Не каркай.

— Факт.

Очередь зенитного пулемета прошла совсем близко, и над головой просвистели каменные осколки.

— Могло быть и хуже, — переведя дыхание, крикнул Косарев.

Действительно, если бы движимый шестым чувством, он в последний миг при входе в ущелье не дал команду «Назад», на фугасные

закладки напоролись бы все машины. «Духи» выбили из гранатометов две крайние. А потом и третью. Но русские солдаты успели рассредоточиться и, используя каменные завалы, выбрать позиции и кое-как закрепиться. Но долго не продержаться. Можно было бы повоевать, если бы не прекрасно выбранная «духами» огневая точка, с которой бил зенитный пулемет.

— Шакальи дети, — прошипел лейтенант Родионов, вновь нажимая на спуск. — Ничего, дорого я вам стану.

— Надо накрывать пулеметную точку, — сказал Косарев.

— Ага, — лейтенант вытер щеку, по которой струилась кровь. — Почему я не птица, почему не летаю?

— Если по той трещине — то как раз можно выйти к стене. И «духи» не увидят — сектор не просматривается.

— На тебе! — высунувшись, лейтенант послал длинную очередь, кажется, кого-то задел. — Без мазы. Не залезть.

— Принимай командование. И прикрой. Я иду.

Косарев отдал лейтенанту автомат — слишком тяжелая штука для таких путешествий, взял гранаты, погладил пальцами рукоятку разведножа. Кивнув лейтенанту, хлопнув его по руке, двинул вперед...

Без страховки, без альпинистского оборудования штурм такой стены выглядел совершенно нереальным. На несколько десятков метров взметнувшаяся вверх стена казалась бесконечной.

Косарев был альпинистом от бога. Он чувствовал стену, как нечто родное. Он ощущал камень, находил единственно возможную дорогу. Его пальцы впивались в неровности, камни летели из-под ребристых подошв. Один неправильный шаг, одно неверное движение — и вниз, на острые скальные обломки.

Смерть — и хорошо, если быстрая, а не постепенно наваливающаяся на изломанное болью тело. А потом смерть всей разведгруппы. Молодых, полных сил, отчаянных ребят, за которых Косарев был в ответе.

Для Косарева сейчас не было грохота боя. Не было резких холодных порывов ветра. Для него во всей вселенной существовала лишь эта стена, этот барьер, который он должен был взять во что бы то ни стало.

Резкое движение. Камень откалывается и летит вниз. Следом должен рухнуть Косарев. Но последним усилием он вжимается в стену, сливается с ней воедино и удерживается...

Перевести на секунду дыхание. И дальше. Выше.

Косарев осмелился посмотреть наверх.

Оставались последние метры. Самые легкие. И тогда он понял, что дошел...

На точке было трое «духов». Классические — бородатые, с обмотанными головами. Обычаи не позволяли бриться, пока идет священная война. Этим трем «духам» не пришлось праздновать в ней победу. Косарев накрыл их двумя гранатами.

Искореженный зенитный пулемет полетел вниз, вместе с держащим его автомат «духом». Замысел Косарева подразжиться на точке оружием провалился. «ПМ» и три магазина — весь арсенал. Капитан спрыгнул на ровную площадку и перемахнул через труп «духа». Выхватив пистолет, он всадил пулю в лоб еще одному выснувшемуся из-за насыпи воину ислама. Потом ринулся вперед, стреляя в мелькающие за камнями силуэты.

Отсюда ущелье было как на ладони. Но у Косарева не хватало времени любоваться пейзажем, украшенным горящими БРДМ.

Он попал в самый центр улья. «Духи» сползались к площадке, чтобы отвоевать снова огневую точку. Отстреляв третий магазин, капитан крикнул:

— Ну, подходите, твари!

«Духи», поняв, что «шурави» остался практически безоружным, ринулись вперед, видимо, решив взять его в плен.

Русский офицер в плену — это почетно, поднимает статус банды. Кроме того, за русского офицера можно много выторговать как у «шурави», так и у американцев.

Первого нападавшего Косарев сразил броском ножа в горло. А потом ринулся навстречу врагам, орудуя рукояткой пистолета. Он уклонился от удара прикладом, почувствовал, как рукоятка впилась в чье-то лицо, услышал крик ужаса.

Перехватил ствол автомата.

«Духи» переоценили себя. Взять русского капитана живым им не удавалось.

Боли Косарев не чувствовал. Он лишь ощущал глухие удары по телу. Как-то отстраненно он подумал, что это разрывают его тело свинцовые пули. Уже будучи искромсанным очередями, капитан зубами рвал очередного вопящего от ужаса «духа». Бандитам казалось, что в образе «шурави» сам демон мщения пришел за их душами.

Отчаянный бросок Косарева дал возможность разведчикам перейти в наступление. Схватка на вершине горы стала переломной. Нервы у «духов» не выдержали, и они начали отступать, огрызаясь очередями. Бой дорого обошелся разведроте. Но и враг тоже не остался безнаказанным.

— Эх, — вздохнул лейтенант Родионов, вытирая рукавом пот с кровью и пытаясь вос-

становить сбившееся дыхание. Он чувствовал себя немного пьяным от угара боя. Нагнулся над искромсанным автоматной очередью капитаном и перевернул его на спину, прощупал пульс, провел надо ртом ладонью. — Все. Пусть земля тебе будет пухом, командир.

— Какой мужик был, — старший сержант, замкомвзвода, присел на колени рядом с капитаном. На его глаза навернулись слезы. Бой прошел. Настала пора считать по самому страшному в мире счету — счету потерь. — Ну-ка, — вдруг пригнулся он над телом. — Товарищ лейтенант, кажись, живой!

— Не может быть. В него вогнали пуль восемь.

— Жив!

Лейтенант ошибся дважды. Во-первых, в Косарева вогнали не восемь, а четырнадцать пуль. А во-вторых — он действительно был жив.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ТОГО СВЕТА

— Ну как, капитан, здесь лучше, чем на том свете? — спросил хирург-подполковник, присаживаясь на край кровати.

— Больно...

— Значит, живехонек. Радуйся.

— Очень больно.

- Ты молодец, капитан.
— «Духи» еще поплачут. Я вернусь.

Хирург задумчиво посмотрел на смертельно бледного, перевязанного командира разведроты. С ним получилось, как в песне:

Врач до утра все шелкал языком
И терпеливо пули удалял.

Четырнадцать пуль засело в теле командира разведроты. Засели достаточно удачно. Во всяком случае, Косарев остался при всех своих внутренних органах, что само по себе чудо.

Сперва казалось, что все напрасно — капитану не жить. Но седой хирург-подполковник почуял в Косареве чудовищную жажду жизни, несгибаемую волю и пообещал ему и себе:

— Вернешься, родимый. Вернешься...

Это был 1988 год — предпоследний год войны в Афганистане. И четвертый год войны капитана Косарева. Они вместили в себя тысячи промеренных гусеницами и ногами афганских верст. Три похода на караваны с наркотиками и оружием. Бесконечная череда рейдов, засад, вылазок. Орден Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги».

Продолжить эту войну Косареву не удалось. В 89-м наши войска под рукоплескания всего

мира покидали Афганистан, оставляя на произвол судьбы своих союзников, запуская эту страну на новый, куда более жестокий виток гражданской войны. Солдаты и офицеры возвращались домой, еще не зная, что это лишь первый рубеж, оставляемый Россией. А за их спинами победившие «духи» не уставали повторять свой многолетний лозунг: «Эта война закончится на территории СССР».

Изломанный, но не сломленный капитан Косарев вернулся на родину. А вот лейтенант Родионов, с которым бок о бок бились в ущелье, навсегда остался в богом проклятой земле, и никто не знает, где его могила. Да что говорить, немало ребят вернулись домой в «Черном тюльпане».

После Афгана в Косареве что-то надломилось, что-то ушло навсегда. Ушел страх смерти. Все страхи остались в выжженном солнцем пыльном ущелье, в кабульском госпитале, в чужой, враждебной, ненавистной стране.

После госпиталя — увольнение по состоянию здоровья из армии.

Конечно, неприятно, но не смертельно. Пройдя войну, он не мог представить себя комбатом в каком-нибудь забытом богом полку. Хуже было другое — полностью разваленное здоровье, сочувствующие взгляды окружающих, ощущение собственной никчемности. Что делать? Чем заняться?

Был полученный в военном училище диплом «инженера по эксплуатации гусеничной техники». Но заведование каким-нибудь тракторным парком не привлекало. Преподавать начальную военную подготовку в школе? Смешно. Существовать на пенсию по инвалидности и за рюмкой водки вспоминать былые походы и победы? Упаси господь.

Косарев знал свой путь. Это был путь война. И идти по нему он намеревался до конца.

Что такое четырнадцать пулевых ранений и справка о второй группе инвалидности? Плюнуть и растереть! Он привык, как ураганом, сметать со своего пути все препятствия.

Косарев никогда не жалел себя. Восемьдесят часов в день — тренировки. Обошел не один десяток врачей. Собрал и опробовал множество лечебных методик, начиная от фитотерапии и кончая акупунктурой. К рукам, которые в былые времена гнули металлические прутья, возвращалась былая сила.

И однажды Косарев вышел на альпинистский маршрут со старыми товарищами. Пройдя его, понял, что побеждает.

В девяносто первом году, заехав в Москву в госпиталь Бурденко, заглянул к хирургу-подполковнику, вытащившему его с того света. Подполковник, осмотрев бывшего пациента, изумленно покачал головой:

— Как ты смог?

— Смог. Я обещал вернуться в строй. И давить «духов», — улыбнулся Косарев.

— Где он, тот строй. И где они, те «духи»? — отмахнулся подполковник.

— Уж в «духах»-то недостатка нет. Они как тараканы — во всех щелях, — Косарев сжал кулак. — Давить, — в его глазах появилось недоброе выражение.

Косарев знал: мир без войны для него не существует. Этот самый мир сузился теперь до двух измерений: есть враги и есть друзья, свои и чужие, те, кого нужно защищать, и те, от кого нужно защищаться. Окончательно он определился, когда его однополчанина майора Нестерова зарезала в подворотне шпана. Майор спасал жизнь незнакомой женщине. Он ринулся, не раздумывая, ибо знал, что обязан защитить человека, тем более беспомощную женщину. И бился до последнего с семерыми. Они так и не взяли бы его, если бы майор не подставил им спину. Удар ножом в спину — коронный трюк подонков. Нестеров, прошедший весь Афган, не раз выходящий из безвыходных ситуаций, встретил смерть в заплеванном, грязном московском переулке. Тогда-то Косарев ясно понял — «духи» есть не только в Афгане.

В девяносто третьем капитан запаса Косарев переступил порог отдела кадров областного